

Ранее не применявшийся для исследования полный обсчет данных монастырских приходных и расходных денежных книг на материалах Успенского Тихвинского монастыря показал, что хозяйственные практики обители в посткризисный восстановительный период базировались на широком применении наемного труда жителей Тихвинского посада, населения вотчин и окрестных погостов.

1. Абеленцева, О. А. Восстановительные строительные работы в Успенском Тихвинском монастыре в 1623–1633 гг. (по данным монастырских расходных книг) / О. А. Абеленцева // Петербургский исторический журнал. – 2019. – № 2. – С. 7–26.
2. Абеленцева, О. А. Включенные документы в составе расходных денежных книг Успенского Тихвинского монастыря 1623–1633 гг. / О. А. Абеленцева // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 2. – С. 8–22.
3. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Карт. 2. № 136.
4. Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. – Вып. 1 : Акты и материалы писцового дела. – Часть 1 : 1560–1644 гг. / сост. О. А. Абеленцева. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2015. – 336 с.
5. Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. / сост. З. В. Дмитриева. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2010. – 760 с.
6. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М. : Кругъ, 2011. – 560 с.

Седов П. В.

ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИХОДО-РАСХОДНЫХ КНИГ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ XVII В.

Хлебные цены XVII в. — один из ключевых вопросов при изучении проблемы становления всероссийского рынка. Сначала исследователи находили сложившийся всероссийский рынок в XVII в. [17, с. 180]. Начиная с 1970-х годов возобладало представление о том, что в XVII столетии имело место лишь начало этого процесса, а завершение следует искать в конце XVIII в. или даже XIX в. [12, с. 381; 14, с. 21, 245].

Решающее значение в изучении данной проблемы имеют методы работы с источниками: таможенными и приходо-расходными книгами. В данном случае остановимся только на источниковедческом анализе монастырских приходо-расходных книг.

Исследователи ошибочно полагают, что сделанные в них записи о купле-продаже товаров отражают их реальную цену. Так, классический труд А.Г. Манькова о хлебных ценах в России XVI в. целиком основан на сведениях, извлеченных из монастырских приходо-расходных книг [13]. В рецензии на эту монографию В.М. Панеях отметил, что данные таможенных книг о цене того или иного товара могут существенно отличаться от реальных, но монастырские приходо-расходные книги, по его мнению, сообщают достоверную информацию на этот счет [15, с. 143–144].

Однако, с нашей точки зрения это не совсем так. Цены на товары (в данном случае будем говорить только о хлебных ценах) не существуют сами по себе, они ситуационны и познаваемы только в том историческом контексте, частью которого они являются.

Что это значит? Например, в приходо-расходной книге XVII в. находим запись о покупке четверика ржи такого-то числа и года. Возникает иллюзия, что это цена товара, но в действительности это не так. В источнике отражена не цена товара, а цена покупки, что далеко не одно и то же. В данном случае указаны только обобщенное наименование и потраченная сумма, но не учтены особенности товара. Во-первых, остается неясным, какой именно четверик использовался — для составителя приходо-расходной книги это было само собой разумеющимся и потому сведения об этом опускались. Во-вторых, не зафиксировано качество хлеба: рожь, пшеница, ячмень и другие зерновые оценивались по трем степеням качества: «добрая», «средняя» и «плохая». Не отмечен также факт уплаты или неуплаты таможенной пошлины, которая составляла 5% от стоимости товара и, разумеется, учитывалась при назначении итоговой цены.

Проанализировать указанные и другие детали купли-продажи позволяют монастырские документы XVII в. Рассмотрим обстоятельства торговли хлебом в Новгородской земле во второй половине XVII в. по документам Валдайского Иверского (ф. 181) и Успенского Тихвинского (ф. 132) монастырей из Архива Санкт-Петербургского института истории РАН. В этих фондах сохранились как приходо-расходные книги, так и внутримонастырская переписка XVII в. По сути, это развернутые описания компетентных и заинтересованных участников средневековой торговли. Из этих документов мы узнаем такие подробности торговли XVII в., о которых ничего не известно из других источников. Сведения о хлебных ценах в этой переписке упомянуты не сами по себе, а в определенном контексте.

Отписки монастырских стряпчих позволяют установить, что на протяжении всего XVII столетия в России наряду с общегосударственными мерами (их именовали «московскими») сохраня-

лись и местные. Так, в Великом Новгороде использовали местный четверик, который был в 1,6 раза больше московского (последний составлял пуд веса). Четверик на Тихвинском посаде был больше московского даже в пять раз. Без учета этих фактов изучение хлебных цен становится бессмысленным. Переход на московский четверик на новгородском торге произошел в самом начале 1680-х годов, а на Тихвинском посаде местный четверик использовался до самого конца столетия и даже в начале XVIII в. В приходо-расходных книгах эти изменения обычно не фиксировались, поскольку были очевидны для составителей и современников.

В отличие от приходо-расходных книг монастырские отписки часто сообщали две цены хлеба: «середнего» и «лутчего», которые обычно отличались процентов на двадцать.

Отписки из Новгорода в голодный 1670 г. сообщают уникальные сведения о хлебных ценах: продавцы ржи предлагали ее по спекулятивной цене 30 коп. за новгородский четверик [18, с. 107], митрополит распродал рожь из своей житницы по специально заниженной цене 20 коп., но только по одному четверику в руки [18, с. 107; 3, сст. 2], а купцы, привозившие хлеб и за рубежа подпольно продали представителю Иверского монастыря четверик по 25 копеек и без уплаты таможенной пошлины [11, сст. 14].

В фонде Успенского Тихвинского монастыря сохранился особый тип учетной документации: книги хлебной покупки. В архиве обители сохранилось семь таких книг: одна 1667 г. — в столбцовой форме [1, сст. 1–9] и еще шесть в тетрадной — 1668 г. [5, сст. 1–5], 1668–1669 г., [6, сст. 1–18] 1690 г., [7, сст. 1–4] 1691 г. [8, сст. 1–3] и две 1701 г. [9, сст. 1–14 об.; 9, сст. 1–14 об.]; сверх того обнаружена еще одна аналогичная по составу краткая роспись хлебной покупки 1698 г. на одном листе с оборотом, внесенная затем в расходную книгу [4, сст. 1–1 об.]. В отличие от денежных приходо-расходных книг, в них основное внимание обращалось на запись не собственно расхода денег на покупку хлеба, а на характеристику покупаемого продукта: у кого куплено, какой объем и в каких мерах. В этих книгах находим сведения об обстоятельстве, неизвестном в исследовательской литературе. Это «досталь» — довесок, который оставался после покупки. Крестьяне привозили из окрестных сел на Тихвинский посад зерно, судя по проданному весу, в основном на одном-двух возах. После измерения проданного хлеба у них оставался небольшой остаток, это и есть «досталь», которую хлебный старец покупал у них по той же цене. В итоговых данных закупки хлеба в монастырь «досталь» вообще не суммировалась и не учитывалась. Ее, надо полагать, оставляли в запас, как тогда говорили, на «мышеед». Поэтому в приходо-расходных книгах монастыря было бы неправильно вычислять точную цену купленного хлеба, просто, поделив общий объем покупки на потраченные деньги.

Еще более важный вывод можно сделать, обратив внимание на даты закупок в книгах хлебной покупки. Во время тихвинской ярмарки хлебный старец не покупал рожь и овес у местных крестьян, покупки совершались только до начала торга или после него. Без учета этого обстоятельства можно было бы сделать неверный вывод, что цены на Тихвинском посаде были такие, как это зафиксировано в этих книгах. В действительности, в ярмарочную неделю (с конца XVII в. — ярмарка формально действовала месяц) хлебные цены торгов существенно увеличивались. Для нас это может показаться странным, поскольку мы привыкли, что в наше время ярмарочные цены должны быть ниже обычных. Отличие здесь состоит в том, что в новейшее время большинство покупателей получает зарплату и располагает денежной наличностью. В Средневековье же было наоборот. Основная масса населения — крестьяне, посадские люди, — прежде чем что-нибудь купить, должны были продать результаты своего труда. Поэтому в ярмарочные дни на Тихвинском посаде возникало повышенное предложение хлеба, и цена его существенно возрастала — на 20 % и больше.

При изучении цен исследователи часто не учитывают изменение веса копеек: во второй половине XVII в. серебряное содержание русской копейки было дважды понижено — в марте 1681 г. и в 1696 г., иными словами копейка 1680 г. была в два раза тяжелее копейки 1697 г. Этот факт хорошо известен нумизматам, но часто не учитывается при изучении динамики цен. Однако есть еще один важный фактор, который упускают и нумизматы, изучающие денежные номиналы, и исследователи торговли — это бытование денег, в частности увеличение или уменьшение денежной массы. Для XVII в. подобные статистические данные совершенно отсутствуют. Но из внутримонастырской переписки становится известно, что экстраординарные налоги военных лет быстро выкачивали у населения наличность, и на хлебные цены влияли два разнонаправленных фактора: цены росли из-за понижения серебряного содержания копейки, но понижались в связи с нехваткой монеты — «денежной скудости», как об этом писали в монастырских отписках.

Развернутое описание такой «денежной скудости» находим в отписке каргопольского таможенного головы В. Лобанова и целовальника Л. Попова «с товарищи» 3 марта 1680 г. По их словам, в том году «ни с какими товарами торговых людей приезде и торгу против прошлых годов и вполы нет», а если и продают, то «против прошлых годов дешевле вполы». В прошлых годах четверть ржи (в четверти было 8 четвериков) продавали по 90–100 коп., а в 1679/1680 г. по 40–45 коп.; «и иные всякие товары

потому ж дешевле вполь, да и того торгу нет». Причину упадка торговли челобитчики видели в том, «что в мире, государь, стала денежная скудость и нужда великая» [16, сст. 1–4].

Таким образом, следует с осторожностью использовать сведения приходо-расходных книг о ценах на товары. Механический сбор таких данных, сведение их в таблицы оставляет вне поля зрения многочисленные обстоятельства, которые влияли на формирование цены.

Практика хлебной торговли XVII в. позволяет сделать общий вывод о том, что без единой метрической системы и при одновременном бытовании разновесной монеты, хронической нехватке денежной наличности не представляется возможным считать всероссийский рынок XVII в. сложившимся явлением. Речь может идти только о начале процесса. Введение новой денежной системы при Петре I, унификация используемой по всей стране метрической системы, сеть речных каналов XVIII в., связавшая бассейны разных рек в одну водную транспортную систему, отмена внутренних таможен в 1756 г. и другие факторы позволяют отнести формирование всероссийского рынка к явлениям XVIII столетия.

1. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Картон 9. Д. 136.
2. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Картон 11. Д. 28.
3. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Картон 13. Д. 269.
4. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Картон 60. Д. 15.
5. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 241.
6. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 249.
7. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 630.
8. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 653.
9. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 847.
10. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 880.
11. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 181. Оп. 1. Д. 1782.
12. Ковальченко, И. Д. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века: опыт количественного анализа / И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. – М.: Наука, 1974. – 399 с.
13. Маньков, А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века / А. Г. Маньков. – М.; Л.: Издательство АН СССР. 1951. – 274 с.
14. Миронов, Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. / Б. Н. Миронов. – Л.: Наука. 1981. – 259 с.
15. Панеях, В. М. А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. / В. М. Панеях // Вопросы истории. – 1952. – № 12. – С. 141–146.
16. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 141. Д. 94.
17. Сербина, К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. / К. Н. Сербина. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1951. – 485 с.
18. Тихомиров, Л. В. Новгородский хронограф XVII века / Л. В. Тихомиров // Тихомиров Л. В. Русское летописание. – М.: Наука, 1979. – 387 с.

Сукина Л. Б.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ДИНАСТИЧЕСКИХ ДРЕВ РУССКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ КАК ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ¹

Еще задолго до «визуального поворота» в исторической науке М. Блок отмечал: «Было бы большим заблуждением считать, что каждой исторической проблеме соответствует один-единственный тип источников, применимый именно в этом случае. Напротив, чем больше исследование устремляется к явлениям глубинным, тем скорее можно ждать света от сходящихся в одном фокусе лучей – от свидетельств самого различного рода» [1, с. 40]. При этом он имел в виду, что в поисках исторической истины исследователь должен оперировать данными анализа не только письменных, но и материальных и визуальных источников (если прибегнуть к современной классификации).

С таким «глубинным», по выражению М. Блока, явлением мы имеем дело при реконструкции «династической концепции» [5, с. 345–357] власти в русском государстве XVI–XVII вв. При первых Романовых эта концепция пережила определенные трансформации, понять и оценить которые в полной мере невозможно, опираясь только на письменные источники. Ценный материал для исследователя дают изображения династических древ русских князей и царей, традиция создания которых появилась во второй половине XVII в., при государе Алексее Михайловиче. При различии материалов и техник этих изображений (икона, фреска, книжная миниатюра, книжная гравюра) их объединяет одно важное свойство – все они воспроизводят не реальное, а спиритуальное родословие династии Романовых, воплотившей в себе формировавшийся на протяжении нескольких веков идеал самодержавной царской власти. Изображения княжеских и царских древ предоставляют исследователю возможность

¹ Публикация подготовлена благодаря стипендиальной поддержке Германского исторического института в Москве